

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ АРХАИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович, кандидат политических наук,
доцент

Дагестанский государственный университет
Российская Федерация, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43-а
E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

В настоящей статье рассматривается крайне актуальная для современной России проблема – специфика архаизации политической культуры Северного Кавказа в контексте межнациональных отношений в республиках региона. Мы обратились к анализу основных факторов архаизации политической культуры региона, их влияния на социально-политические процессы в северокавказских республиках. Особое внимание уделено негативному влиянию архаизации политической культуры на характер межнациональных отношений, рассматривая этнонационалистические и этнорелигиозные тенденции в республиках Северного Кавказа.

Ключевые слова: архаизация, Северный Кавказ, традиции, этнократия, этничность, клановость

THE MAIN FACTORS ARCHAISM POLITICAL CULTURE AND INTERETHNIC RELATIONS IN THE NORTH CAUCASUS REPUBLICS

Gadzhiev Magomedemin M., Ph.D. (Policy), Associate Professor
Dagestan State University
43-a M. Gadzhieva Str., Makhachkala, 367000, Republic of Dagestan, Russian
Federation
E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

In this article the author considers highly relevant to the problem of modern Russia - the specificity of the political culture of archaism of the North Caucasus in the context of international relations in the republics of the region. The author refers to the analysis of the main factors archaism political culture of the region and their impact on the socio-political processes in the North Caucasus republics. Particular attention is paid to the negative effects of archaism of political culture on the nature of international relations, considering the ethno-nationalist and ethno-religious tendencies in the republics of the North Caucasus.

Keywords: archaism, the North Caucasus, traditions, ethnocracy, ethnicity, tribalism

Северный Кавказ занимает особое место среди прочих регионов Российской Федерации. Географические, социокультурные, социально-экономические особенности предопределяют и характер развития политической культуры в республиках Северного Кавказа. В состав Северокавказского федерального округа Российской Федерации входят национальные республики – Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, а также Ставропольский край, являющийся многонациональным регионом.

В большинстве субъектов СКФО основную часть населения составляют представители титульных наций, преимущественно исповедующие ислам. В период распада советской государственности на Северном Кавказе, как и в других национальных регионах России, происходил процесс возрождения этнической и конфессиональной идентичности. Следствием этого процесса, наложившегося на возникшие, вследствие распада СССР и перехода к рыночной экономике, социально-экономические проблемы, стала архаизация политической культуры северокавказских обществ. Возрождение этнической и конфессиональной идентичности проявляется в гипертрофированном увлечении «прошлым», присущем северокавказским

республикам. Колоссальное внимание, уделяемое историческим и этнографическим аспектам северокавказских обществ, оборачивается на практике сохранением и дальнейшим распространением традиционалистских настроений. Получается, что взгляд северокавказской интеллигенции, выполняющей идеологические функции в республиках, «обращен в прошлое» [1, с. 371]. Эта «историчность» северокавказских обществ оказывает определяющее влияние и на политическую культуру региона. В политической культуре северокавказских республик превалируют этнонационалистические и религиозные компоненты.

Специфика политической культуры северокавказских народов определяется не только этническими и конфессиональными особенностями региона, но и социально-демографическими процессами, происходящими на Северном Кавказе. Известно, что к началу XXI в. уровень урбанизации в республиках Северного Кавказа составлял лишь 35–45 %. По российским меркам, это очень незначительный показатель для большинства регионов России такие цифры были характерны для 1950-х гг. [11, с. 75]. К тому же, следует отметить, что даже городское население северокавказских республик в значительной степени сохраняет менталитет сельских жителей. В-первых, многие городские жители не порывают связь с «родовыми» селениями, где проводят свадьбы и похороны. Во-вторых, сам характер занятости городских жителей и их образ жизни мало чем отличается от аналогичного в сельских поселениях. Так, Е.А. Варшавер использует по отношению к населению окраинных районов Махачкалы термин П. Бурдые «субпролетариат», под которым понимает маргинальные группы населения еще не городского, но уже и не сельского населения [4, с. 107]. Представления о жизни, мировоззренческие и поведенческие установки у городского субпролетариата остаются, во многом, сельскими, тогда как значительная часть неформального социального контроля, присущая сельской местности, в городе оказывается утраченной. Тем не менее, в среде городского субпролетариата остается востребованным стремление к выработке групповой идентичности, только сельская община может заменяться другими социальными группами – кланами земляков и соплеменников, религиозными джамаатами.

Настоящей проблемой для Северного Кавказа стал непрекращающийся отток русского и русскоязычного населения из большинства республик региона и даже из отдельных районов Ставропольского края. Сокращение количества русских, проживающих в северокавказских республиках, меняет структуру и образ жизни городского населения региона [7, с. 14]. Переезжающее в другие регионы России русское и русскоязычное население в городах замещается мигрантами из сельской местности, что способствует воспроизводству архаичных национальных традиций в социальных практиках северокавказских обществ. В многонациональной среде кавказских городов более легко протекали процессы межэтнического социокультурного взаимодействия, которые значительно усложнились после оттока русского и русскоязычного населения и формирования моноэтнической или полиэтнической, но сугубо «кавказской» среды в городах региона. В изменившихся социально-политических условиях этническая и клановая принадлежность приобретают новое наполнение, родовые и клановые структуры превращаются в важнейшие механизмы политической жизни северокавказского региона. Происходит возвращение традиционных адатов – системы социальных норм, которая в кавказских обществах выступала основным регулятором социальных отношений в досоветский период истории региона [5, с. 295].

Архаизация политической культуры северокавказских обществ тесно связана с уровнем их реальной интеграции в «русский мир», т.е. в цивилизационное пространство, формируемое российским государством. В наименее интегрированных регионах страны, что вполне закономерно, наблюдается и более высокий уровень распространения архаики в политической культуре. На Северном Кавказе наиболее архаичными остаются общества северо-восточной части региона – Дагестана, Чечни и Ингушетии. Так, чеченский народ до сих пор делится на 165–170 тейпов, представляющих собой объединение «больших семей». Несмотря на то, что с XVIII в. все более

ускоряющимися темпами шли процессы исламизации Чечни, в конечном итоге шариатское право не смогло полностью вытеснить древнее родовое право чеченцев. В результате взаимодействия этнического и религиозного компонентов в Чечне, как и в других республиках региона, сложились две параллельные системы – этносоциальная и этнорелигиозная [2, с. 63]. В каждой из них отношения регулируются собственными правилами – адатом и шариатом соответственно, существует и собственная иерархия, основанная либо на традиционном родовом приоритете, либо на религиозном авторитете.

В период советского управления на Северном Кавказе происходила ломка традиционных основ социальной организации, приведшая, однако, не столько к социальной модернизации северокавказских обществ, сколько к трансформации традиционных социальных структур. Именно в советское время, помимо тейпов и тукхумов, важной формой социальной организации на Северном Кавказе стали кланы, которые могут включать в себя представителей различных этносоциальных групп, объединенных некоторыми общими целями и интересами. Наиболее четко клановые отношения проявляются в тех республиках региона, для которых характерен полиэтничный состав населения, в первую очередь в Дагестане.

В то же время, специфика организации труда в северокавказских республиках в советский период отечественной истории способствовала консервации архаичных отношений в кавказских обществах. Так, русские и русскоязычные жители северокавказских республик, концентрировавшиеся в городах, были сосредоточены в сфере индустриального производства, здравоохранения, образования. Представители северокавказских народов, в свою очередь, преобладали в сельском хозяйстве, торговле сельскохозяйственной продукцией, а также в строительстве, автотранспорте. Таким образом, основная часть северокавказского населения оставалась в сельской местности, либо населяла районы городов, мало чем отличающиеся от сельских поселений по менталитету жителей.

В Чеченской республике именно родовые селения, а не крупные города, остаются основными политическими центрами республики, поскольку выполняют роль центров для определенных тейпов чеченского общества. Получается, что село с его социальной архаикой в Чечне играет доминирующую роль по сравнению с городом. Как отмечает Л. Басханова, для чеченского общества характерны черты, присущие традиционному типу: преобладание сельского населения над городским, аграрное перенаселение, высокий уровень рождаемости, невысокий уровень образования и развития социально-профессиональной дифференциации общества [2, с. 63]. Однако социально-трансформационные процессы неизбежно затронули и социальную структуру северокавказских обществ. Современный житель Северного Кавказа, как уже отмечалось выше – это чаще всего не крестьянин традиционного аграрного общества, и не горожанин, а маргинал, сосредоточенный на собственном выживании и обретении весомых позиций в окружающем его обществе. Именно в таких недоурбанизированных маргинальных обществах и наблюдаются процессы архаизации.

После распада Советского Союза в северокавказских республиках начался процесс стремительного роста влияния альтернативных органов управления на местах – прежде всего, родоплеменных и религиозных структур. В настоящее время неформальные авторитеты – религиозные и родоплеменные лидеры – имеют гораздо более значимое влияние в регионе, чем представители официальной администрации. Без консенсуса администрации с местными неформальными структурами невозможна реализация любых управленческих программ. Поэтому федеральный центр, руководствуясь печальным опытом двух чеченских войн и событий в Дагестане и Ингушетии, обратился к практике выстраивания диалога с традиционными общественными институтами в северокавказских республиках.

Однако само по себе возвращение влияния традиционных общественных институтов стало возможным благодаря идеологическому вакууму российского общества в постсоветский период и разрушению социальной и экономической инфраструктуры северокавказских республик. Отток русского и русскоязычного населения способ-

ствовал снижению качества образования и медицинских услуг, деиндустриализация северокавказских республик привела к маргинализации значительной части населения. Образовавшийся вакуум в сфере идеологии стал заполняться религиозными проповедниками, в том числе и прибывающими из-за рубежа – из Турции, Саудовской Аравии, других государств Ближнего Востока. В то же время, значительная часть молодых северокавказцев переориентировалась на традиционное религиозное образование, за получением которого отправляется в арабские страны. Возвращение к традиционным формам политической и социальной организации частью северокавказской молодежи рассматривается в качестве единственной альтернативы существующему кризисному положению в республиках.

Архаизация политической культуры северокавказских республик оказывает сильнейшее влияние и на характер межнациональных отношений в регионе. Во-первых, за два постсоветских десятилетия, в результате процессов «ренессанса этнической идентичности», на Северном Кавказе активизировались этнонационалистические и этнорелигиозные настроения. Советская идентичность была разрушена [9], а принадлежность к единой российской гражданской общности значительная часть населения северокавказских республик не осознает. В распространении националистических настроений на Северном Кавказе сыграл определенную роль и внешнеполитический фактор, а именно – целенаправленная деятельность ряда иностранных государств, направленная на дестабилизацию политической ситуации в регионе с целью ослабления российской государственности и влияния России на Кавказе и на Ближнем Востоке. Во-вторых, следствием возвращения к архаичным формам политической культуры стало неизбежное возникновение конфликтов, детерминированных социально-экономическими и социально-демографическими факторами, но быстро перерастающих в межэтническое противостояние именно по причине отсутствия развитой надэтнической идентичности.

С.Ю. Землякова говорит о крайне опасных для единства российского государства последствиях функционирования этнократических режимов в северокавказских республиках. По мнению С.Ю. Земляковой, российскому государству необходимо вести серьезную и решительную борьбу с этнократическими тенденциями в северокавказском регионе, даже если «подобные действия могут привести к временной активизации террористических и экстремистских элементов» [6, с. 12]. То есть этнократии на Северном Кавказе представляют не меньшую угрозу национальной безопасности российского государства, чем распространение религиозно-экстремистских настроений. Более того – в определенной степени именно этнократии, чье появление является следствием архаизации политического бытия северокавказских республик, выступают в качестве основного детерминирующего фактора по отношению к террористической и экстремистской активности в регионе. Как отмечает А.А. Саидов, «руководитель, помимо своей воли, вынужден встраиваться в объективные, традиционные, бытовые, очень живучие, земляческие, джамаатские, тейповые, этноклановые и т.д. структуры, процессы и отношения, объективно организующие жизнедеятельность общества. Формирование руководства, политической элиты, распределение должностей в регионе происходит по данным законам» [10].

Клановый характер власти в северокавказских республиках лишь усугубляет процессы этносоциального неравенства, что провоцирует дальнейшие конфликтные ситуации и способствует распространению религиозно-экстремистских взглядов. Радикальный ислам начинает рассматриваться северокавказской молодежью как единственный инструмент выстраивания надэтнической идентичности, с помощью которого можно преодолеть противоречия между отдельными этническими и родоплеменными группами, ликвидировать клановость и кумовство в органах власти. Как отмечает Е.В. Рябченко, в последние годы все более снижается возраст участников религиозно-экстремистского подполья, что свидетельствует о «борьбе за умы» северокавказской молодежи [8, с. 306]. Однако приток молодых людей в ряды экстремистских организаций становится возможным и вследствие разрушения системы светского образования на Северном Кавказе и повышения престижа традиционного

религиозного образования. В свою очередь, клерикализация общественной жизни, включая и образование, в регионе является одним из последствий архаизации политической культуры северокавказских республик.

Есть ли у российской власти, что противопоставить процессам архаизации политической культуры на Северном Кавказе? Наверное, излишне говорить о том, что данные процессы носят объективный характер и являются следствием социально-экономической и политической нестабильности в регионе. Без социальной модернизации северокавказских обществ не представляется возможным и преодоление архаичных тенденций в социально-политическом развитии национальных республик Северного Кавказа. Если российское государство выступит в роли основного актора модернизационных преобразований в северокавказском регионе, то местные сообщества в конечном итоге окажутся интегрированными в процесс социального и социокультурного строительства. Таким образом, государственная политика будет переведена в плоскость осмысленного и практически ориентированного совершенствования социально-политических и социокультурных аспектов существования северокавказских обществ [3, с. 158].

Для северокавказских обществ в настоящее время характерны процессы архаизации политической культуры. Основными причинами процессов архаизации в республиках Северного Кавказа являются: социально-демографические (высокая рождаемость, низкая урбанизированность), социально-экономические (превалирование аграрного сектора над индустриальным, безработица), этнополитические (отток русского и русскоязычного населения, межнациональные конфликты), идеологические (идейный и ценностно-мировоззренческий вакуум в постсоветский период) факторы. На межнациональные отношения в северокавказском регионе архаизация политической культуры оказывает сугубо негативное влияние, способствуя дальнейшему усугублению межэтнической напряженности, росту этнонационалистических настроений. Важнейшим условием преодоления тенденций архаизации в северокавказских республиках является общая социальная модернизация Северного Кавказа при активном и определяющем участии центральной российской власти.

Список литературы

1. Авксентьев В. А. Экономические и социокультурные детерминанты региональных конфликтов на Юге России // Диалог культур в условиях глобализации. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2012. Т. 1. Доклады. С. 370–372.
2. Басханова Л. С.-Э. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта / отв. ред. В. В. Черноус // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Ростов-на-Дону, 2004. Вып. 21.
3. Боров А. Х., Муратова Е. Г. Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 157–166.
4. Варшавер Е. А. Тарки-Караман: механизм одного земельного конфликта в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 5 (123). С. 104–114.
5. Гозгешева С. М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 293–300.
6. Землякова С. Ю. Идеология этноэтатизма на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2012.
7. Поляков Е. М. Политика органов государственной власти России на Северном Кавказе (1990-е – 2000-е гг.). Воронеж, 2009.
8. Рябченко Е. В. Идеология экстремизма как средство социального управления // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 305–308.
9. Самыгин С. И., Верещагина А. В., Белов М. Т. Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 78–85.
10. Сиражудинова С. В., Саидов А. А., Алигаджиева М. А. Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты / под ред. А.-Н. З. Дибирова и С. В. Сиражудиновой. Москва: Перо, 2014. 196 с.

11. Суший С. Я. Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. Москва: Ленанд, 2013. 432 с.

References

1. Avksentyev V. A. The economic and socio-cultural determinants of regional conflicts in the South of Russia. *Dialogue of cultures in a globalizing world*. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social sciences Publ., 2012, vol. 1. Reports, pp. 370–372.
2. Baskhanov L. S.-E. Chechnya: public opinion in terms of ethno-political conflict. Ed. by V. V. Chernous. *Review of the South Russian Center for system regional research and forecasting IPPK RSU and the ISPR*, Rostov-on-Don, 2004, vol. 21.
3. Borov A. Kh., Muratova E. G. North Caucasus in modern public discourse. *Social studies and the present*, 2011, no. 4, pp. 157–166.
4. Varshaver E. A. Tarki-Karaman: mechanism of land conflict in Dagestan. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2014, no. 5 (123), pp. 104–114.
5. Gozgesheva, S. M. Phenomenon of the traditional institutions of customary law (adat) and Islamic (Sharia) in the North Caucasus. *Herald of Adygeya State University, Series 1. Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*, 2011, no. 3, pp. 293–300.
6. Zemlyakova S. Y. *Ideology etnoetatizma in the North Caucasus*. Rostov-on-Don, 2012.
7. Polyakov E. M. *Policy of the state authorities of Russia in the North Caucasus (1990–2000-ies)*. Voronezh, 2009.
8. Riabchenko E. V. The ideology of extremism as a social management tool. *Society and Law*, 2015, no. 1 (51), pp. 305–308.
9. Samygin S. I., Vereshchagin A. V., Belov M. T. Threats of national identity in the information space of modern society and information security risks. *Economic and humanities research areas*, 2015, no. 4, pp. 78–85.
10. Sirazhudinova S. V., Saidov A., Aligadzhieva M. A. *Expectations of Dagestan: the socio-political transformation and elite*. Ed. by A.-N. C. Dibirov and S. V. Sirazhudinova. Moscow, Pero Publ., 2014, 196 p.
11. Sushchiy S. Ya. *North Caucasus: Realities, Problems and Prospects of the first third of the XXI century*. Moscow, Lenand Publ., 2013, 432 p.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК РЕСУРС АКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ

Куркемова Эмилия Тасболатовна, аспирант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: ekurkemova@icloud.com

В статье рассмотрены различные подходы к пониманию сущности информационных технологий, как наиболее перспективных источников активности политических акторов. Информационные технологии увеличивают непосредственные контакты между государством и гражданами; дают возможности даже малочисленным социальным группам реализовывать свои интересы; влияют на совершенствование, обеспечение «прозрачности» процедур принятия государственных решений. В статье проведена попытка определения основных тенденций развития информационных технологий. В результате проведенного анализа выявлена особая значимость Интернет-технологии как для государственного, так и общественного развития. Интернет, являясь глобальным средством коммуникации, открывает новые способы государственного управления и взаимодействия государства и общества. Кроме того в статье приводятся статистические данные, содержащие информацию о проведенных социологических исследованиях, рейтингах политиков и общественных деятелей за конкретный промежуток времени. Авторы размышляют о роли социальных взаимодействий в сети Интернет, видят перспективы развития политических коммуникаций в использовании любого удобного случая для участия граждан в политических процессах. Проведен эмпирический анализ недостаточности исследованных в настоящее время ресурсов российского Интернет-пространства – блогов. В статье рассмотрены различные подходы к пониманию сущности информационных технологий. В современном обществе Интернет-технологии приобретают свою особую значимость, как для государственного, так и общественного развития. Интернет, являясь глобальным сред-